

HARLEQUIN®

095



Элизабет Бикон

КАНДАЛ
В СЕМЕЙСТВЕ
УИНТЕРЛИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Исторический роман – Harlequin

Элизабет Бикон

Скандал в семействе Уинтерли

«Центрполиграф»

2016

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Бикон Э.

Скандал в семействе Уинтерли / Э. Бикон — «Центрполиграф»,
2016 — (Исторический роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-08425-5

Ив Уинтерли дочь богатого и влиятельного виконта Фарензе от первого брака. Еще во младенчестве она была брошена своей ветреной матерью Памелой, погибшей в аварии пятнадцать лет назад. Однако дурная слава беспутной Памелы следует за Ив по пятам, угрожая в случае малейшей оплошности погубить ее репутацию. Мистер Картер, с которым Ив случайно знакомится у родственников, производит на девушку странное впечатление своей красивой внешностью, высокомерием и следами ранений, полученных в битве при Ватерлоо. Он же влюбляется бесповоротно. Вскоре выясняется, что молодых людей связывает не только взаимное влечение, но и постыдная тайна: Картер – сын любовника Памелы, лорда Хэнкорта. Испытания и недоразумения преследуют пару, пока семьи не решаются перестать быть заложниками прошлого и собственных предубеждений. Независимо друг от друга влюбленные отправляются в путь: он к ней, она к нему.

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-08425-5

© Бикон Э., 2016
© Центрполиграф, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Элизабет Бикон

Скандал в семействе Уинтерли

Elizabeth Beacon
The Winterley Scandal

© 2016 by Elizabeth Beacon
© «Центрполиграф», 2019
© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2019
© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2019

* * *

Глава 1

«Ночь такая жаркая, что сейчас, когда я пишу эти строки, на мне нет ничего, кроме моих новых изумрудов. Камни великолепны, но оправы старомодные... Теперь осталось только выудить у лорда Криса бриллианты и посмотреть, как герцог Линеяр лопнет от злости, когда увидит их на мне! Герцог хочет отдать драгоценности жены своей жирной любовнице, хотя говорит, что они принадлежат его племяннику. Но он нисколько не любит этого мальчика... и еще смеет угрожать мне наказанием за то, что его младший брат влюблен в меня до безумия? А ведь жена Криса умерла, к тому же драгоценности, на которые был так щедр ее простолюдин-отец, все равно никогда не смотрелись на ней даже вполтину так хорошо, как на мне. Правда в том, что герцог ненавидит Криса за его молодость, красоту и за то, что у него есть я. И это после того, как Крис по настоянию старого герцога женился на невзрачной дочери набоба, в то время как лорд Хорэс предпочел сбежать в колонии с той странной женщиной-художницей, лишь бы не связывать себя с ней».

Кольм Хэнкорт осторожно отложил дневник в дорогом переплете, чтобы не швырнуть его об стену, и выдохнул. Он даже не заметил, как задержал дыхание. Будучи тем самым племянником, он мог поспорить, что нашел бы сотни возможностей использовать стоившие целого состояния золото и бриллианты с гораздо большей пользой, чем украшать ими пустую, легкомысленную женщину сомнительного поведения. Состояние, которое она так старалась потратить, принадлежало и ему тоже. Вернее, принадлежало бы, если бы отец не украл его прежде, чем Кольм успел достаточно повзрослеть, чтобы ему помешать. Как бы ни хотелось лорду Кристоферу Хэнкورتу распорядиться состоянием своего сына, унаследованным Кольмом от сказочно богатого деда по материнской линии сэра Джозефа Лэмбери, драгоценности его матери должны были храниться в банке до тех пор, пока Кольм не женится. И вот теперь перед ним лежало доказательство – если он в нем нуждался, – что они давно исчезли.

Кольм пробурчал проклятие, в очередной раз ощутив боль от предательства отца. Но никакие просьбы и проклятия не могли вернуть ему утраченного состояния, Кольм это знал. Он испробовал и то и другое, когда молодым, кипя от гнева, узнал, что отец ободрал его. Обида и злость охватили его даже теперь, после восьми лет военной службы, которым предшествовал приют, куда его отправил старший брат отца и где его приучили владеть собой. Но как он мог не проклинать своего отца за то, что тот ставил бессердечную женщину выше своих детей? Вот вопрос, на который ему предстояло ответить, если он собирался когда-нибудь довольствоваться тем малым, что у него осталось.

Одно Кольм знал точно: ему не следовало соглашаться приезжать в Дернли-Хаус и снова возвращаться в прошлое. Здесь под так называемым «присмотром» своей сестры и ее мужа росла Памела, и напоминания об этой проклятой женщине преследовали его на каждом шагу. Едва ли не со всех стен на него смотрели портреты злополучной Памелы, и временами Кольму казалось, что стоит ему быстро обернуться, как он застанет ее и своего околдованного ею отца за чем-то непристойным, хотя оба погибли больше пятнадцати лет назад.

Однако он был в долгу перед единственным братом своего отца, пожелавшим принять участие в его судьбе. Нынешний герцог Линеяр так смущенно попросил его сюда приехать, что Кольм не мог даже обмолвиться о том, как это его пугает. Напротив, скрыв свое отвращение к самой мысли об этом, Кольм приехал сюда как бы по собственной воле и теперь должен был терпеть странное ощущение, что женщина, испортившая ему жизнь, смеется над ним, сидя в первом ряду партера преисподней.

Ему предстояло вновь смириться с прежним отвращением к этому месту и прожить здесь столько, сколько потребуется. Герцог Линеяр уволил своего библиотекаря за то, что тот продал

один из лучших томов его библиотеки конкуренту коллекционеру, полагая, что новый хозяин ничего не заметит. И поскольку дядя Хорэс не сумел быстро найти человека, которому мог бы доверить это задание, появился он – его давно забытый племянник. Нужно было поработать в библиотеке Дернли-Хаус.

Вернувшись в Лондон после всех прожитых лет, Кольм не мог даже быть самим собой. Сына лорда Криса ни за что не приняли бы под этой крышей, пока здесь жила леди Дернли. Она до сих пор приходила в ярость, рассказывая всем, кто соглашался ее слушать, о том, что она называла «убийством своей младшей сестры». Лорд Крис Хэнкорт действительно так отчаянно гнал лошадей в сумерках по альпийской дороге, что карета не вписалась в поворот и они с Памелой разбились насмерть. Поэтому Кольм, как в годы службы в армии, снова стал Колином Картером. Он старался забыть, что, если бы не сестра и новый герцог, он мог погибнуть при Ватерлоо под этим именем, но почему-то эта мысль не давала ему покоя.

Каким-то образом уговорив или напугав дядю Хорэса, Нелл настояла, чтобы ее отправили в Брюссель, откуда бежали все, кто мог, когда бои приблизились к городу на расстояние всего нескольких миль. Кольм каждый раз с содроганием думал о том, что пришлось пережить его сестре, когда на следующий день после Ватерлоо она увидела кровавые разлагающиеся следы этой адской бойни. Она обыскала все поле битвы, пока не нашла его, ослабевшего и уже почти потерявшего сознание от потери крови. Каким-то чудом ей удалось перевезти Кольма в Брюссель, где его начали лечить на средства нового герцога Линеира. Когда врачи сказали, что он, похоже, выживет, Нелл бросилась назад в Англию, чтобы не потерять место гувернантки четырех знатных девочек-сирот. Кольм сжал кулаки при мысли, что сестре пришлось спасать его, а не наоборот. Ему так хотелось защитить ее, вернуть ей ту жизнь, для которой она рождена!

О чем это он? Ах да. Дядя Хорэс был вторым по старшинству братом его отца и единственным, кто ему нравился. Возможно, со временем Кольм мог бы даже полюбить его. Дядя Морис – следующий после Хорэса – ненавидел Кольма за то, что он сын своего отца, а лорда Криса он ненавидел еще сильнее, поскольку тот преуспел в уходе за Памелой, в то время как сам Морис получил отказ. По мнению Кольма, Морису следовало быть благодарным, что он избежал ее когтей. Однако Морис никак не мог простить, что это нанесло урон его репутации неотразимого мужчины.

Черт! Он снова вернулся к этой проклятой женщине и к тому, как она, соблазнив лорда Криса, выманила у него наследство его сына. О чем он думал, пока снова не сбился на Памелу? Ах да, дядя Хорэс – самый приятный из всех членов семьи. Как только выяснилось, что Кольм, скорее всего, выживет, врачи стали настаивать, что прежде, чем начать новую жизнь, он должен полностью восстановиться. Ни герцог, ни герцогиня Линеир и слышать не хотели, что он в состоянии работать. Они даже отправили его поправляться на море. Так разве он мог в чем-нибудь отказать единственным членам семьи, пожелавшим о нем позаботиться?

Дядя Хорэс вернулся в Англию только в прошлом году, когда унаследовал герцогство. Возможно, он не представлял, какой грандиозный скандал разразился после того, как его младший брат сбежал с Памелой Вердойн, а потом погиб вместе с ней по дороге на прием, куда ей непременно хотелось попасть, невзирая на плохую погоду. Дядя Хорэс считался в семье изгоем, после того как отказался жениться на богатой наследнице, на которой вместо него женился отец Кольма. Умный дядюшка Хорэс, криво усмехнувшись, подумал Кольм. Уж лучше бы его отец сбежал с женщиной, которую любил, чем безвольно соглашаться жениться на той несчастной девушке.

Он снова вспомнил о женщине, которую его отец полюбил так глубоко и безумно после смерти матери Кольма. София Лэмбери, определенно, была ему куда лучшей матерью, чем стала бы первая жена виконта Фарензе. И пусть его мать оказалась пешкой, отданной собствен-

ным отцом за титул, пусть она прожила нелюбимой женой лорда Криса, но она, по крайней мере, не была красивой бессердечной гарпией.

Кольм бросил неприязненный взгляд на портрет Памелы Вердойн-Уинтерли, висевший над камином. Да, она выглядела роскошной женщиной в самом расцвете своей красоты, но чувственная насмешка ее томных голубых глаз говорила, как хорошо она сознает свою власть над глупцами вроде лорда Кристофера Хэнкорта и как ей нравится превращать своих любовников в рабов, готовых удовлетворять каждый ее каприз, чего бы это ни стоило им и их близким.

Но каково же быть той, в чьих жилах текла кровь Памелы? Ужасно. Он с сожалением подумал о девушке, вынужденной нести это бремя на своих юных плечах. Кольм не знал ее, но по какой-то причине притаился в тени, чтобы мельком взглянуть на племянницу леди Дернли. Мисс Уинтерли показалась ему сдержанной и замкнутой, как будто слишком хорошо сознавала грехи своей матери. Хотя, возможно, это лишь его фантазии. Темноволосая и не такая красивая, она совсем не походила на свою печально знаменитую мать. Обычно Кольм старался не смотреть на портрет полуобнаженной Памелы, висевший в этой комнате, но сейчас он рассматривал его в поисках подтверждения, что дочь унаследовала ее откровенную чувственность. У мисс Уинтерли был такой же нос и, пожалуй, такая же стройная фигура, но глаза, овал лица и рост совсем другие. Дочь Памелы выглядела так, словно грехи матери преследовали ее даже через пятнадцать лет после гибели той на альпийской дороге.

Глядя на мисс Уинтерли, Кольм мог, по крайней мере, не бояться, что в нем самом проснется дикий зверь. И хотя лорд Крис оказался глупцом, потерявшим голову от страсти к шлюхе благородных кровей, его сын надеялся, что никогда не узнает такой безумной любви. В каком-то смысле они с мисс Уинтерли оказались в одинаковой ситуации. Кольм откинулся назад, задумавшись о превратностях их судеб, и пришел к выводу, что больше у них нет ничего общего.

На мисс Уинтерли молилась ее семья, а Кольма едва признавали за своего. Сейчас, когда герцогом Линейр стал дядя Хорэс, у него хотя бы появилась крыша над головой и работа, но следующий на очереди дядя Морис, и если бы он стал герцогом, то вышвырнул бы Кольма на следующий же день. Нынешний герцог очень нравился Кольму, но если бы с ним что-нибудь случилось, то уже через год ему пришлось бы самому обеспечивать себя, имея только одну здоровую ногу. Поэтому, если дядя Хорэс хочет, чтобы он сам пересмотрел и упаковал все книги этой библиотеки, дабы убедиться, что Дернли за его спиной не продает свои лучшие тома дилерам, Кольм останется здесь и сделает это, а значит, мистер Картер просуществует еще недельку-другую.

В том, что мисс Уинтерли оказалась сегодня в этом доме, где ей – Кольм в этом не сомневался – совсем не хотелось находиться, таилась какая-то загадка. Его удивляло, зачем леди Дернли все это устроила, учитывая взаимное недоверие, возникшее между сестрой Памелы и семейством Уинтерли после того, как Памела открыто бросила своего мужа. К счастью, горничные, нанятые на сегодняшний вечер, шушукались между собой. Так почему бы еще одному слуге не послушать, о чем они сплетничают, с кривой улыбкой подумал Кольм. Судя по всему, заявив, что устраивает вечер в честь своей племянницы, леди Дернли предлагала заключить мир в войне, в которой она не желала слышать ни одного дурного слова о своей покойной сестре, а Уинтерли, что неудивительно, не могли сказать о ней ничего хорошего, поэтому не говорили вообще ничего. Уинтерли могли принять приглашение или открыто дать всему свету понять, что не желают иметь ничего общего с родней мисс Уинтерли. Поскольку виконт Фарензе всю жизнь старался, насколько возможно, сглаживать скандал, устроенный Памелой, он наверняка пришел в ярость от такой попытки загнать его в угол, однако его вторая жена и дочь решили, что смогут вытерпеть один вечер в Дернли-Хаус ради установления мира.

В общем, дело обстояло как-то так, но оставался вопрос: зачем? Леди Дернли была глупой курицей, и похоже, вместе с красотой все хитроумие семьи досталось ее младшей сестре.

Но не строил ли ее муж своих планов, заманивая сюда племянницу жены? Кольм вздрогнул от этой мысли. Однако у мисс Уинтерли имелся надежный защитник в лице ее отца виконта Фарензе, обладавшего большими связями. Дернли не стал бы рисковать, понимая, что вся эта мощь и влияние будут брошены против него. В таком случае ему пришлось бы бежать на континент не только из-за своих долгов...

В любом случае какой более действенный способ могли придумать Дернли, чтобы обмануть своих кредиторов, чем продемонстрировать, что между семьями воцарилось согласие? Уинтерли были богаты и влиятельны, и возможно, это сработает, хотя бы на один вечер отсрочив появление судебных приставов. Кольм поежился при мысли, что за долги можно оказаться в тюрьме. Пожалуй, не стоит печалиться о семье, которой он мог бы обзавестись, если бы все сложилось иначе. Впрочем, Дернли сам творец своего падения, и у Кольма нет ничего общего с этим родовитым идиотом. Даже он понимал, что продажа библиотеки новому герцогу Линейру спасет его лишь ненадолго, но, судя по всему, Дернли это не волновало.

Кольм бросил взгляд на красивый переплет дневника, которому Памела доверяла свои секреты, но не стал жалеть ее за то, что у нее никогда не было более близкого друга. Она прятала свои дневники за томами проповедей, и Кольм удивился, что они не прожгли дырок в этих почтенных книгах. Библиотеку разбирали и, книга за книгой, перевозили в Линейр-Хаус, поэтому рано или поздно дневники все равно бы обнаружили. Кольм вдруг очень обрадовался, что этим занимался именно он, а не какой-нибудь бедный клерк, который с радостью продал бы скандальные записки тому, кто больше заплатит. Какой-нибудь низкопробный издатель наверняка почел бы за счастье заполучить эти «труды». Но что мог сделать с ними Кольм? Впоследствии он бы их сжег, но сначала ему хотелось больше узнать о своем отце. Лорд Крис погиб, когда Кольму едва исполнилось восемь лет, но своих детей он бросил еще раньше.

Мысль сложить в чемодан эти томики в дорогах переплетах и, хромая, скрыться в ночи выглядела весьма соблазнительно, но он не закончил свою работу. А если бы при попытке выбраться из дома с дневниками Памелы его поймали, то вся история снова всплыла бы наружу. Кто-нибудь мог вспомнить его имя, и если бы обнаружилось, что под именем пехотного капитана Картера скрывается сын лорда Криса, то как бы отозвался свет о внуке герцога, вынужденном служить в полку – пусть даже прославившемся своей отвагой и дерзостью, – где большую часть офицеров составляли сыновья торговцев и простые солдаты, получившие офицерский чин за личные заслуги?

Какие ядовитые замечания и насмешки ему пришлось бы выслушать, если бы он открыто представился племянником своего дяди. В конце концов, все закончилось бы дуэлью, а Кольму вовсе не хотелось восстанавливать справедливость, пристрелив какого-нибудь идиота. Нелл бы очень рассердилась. Мысль о своей гордой, мужественной сестре заставила Кольма улыбнуться. Если бы она была здесь, то велела бы ему забыть прошлое и жить своей жизнью. Если только он сможет забыть, что из-за эгоистичной прелюбодейки, высосавшей все деньги из его отца, сестра вынуждена сама зарабатывать себе на хлеб, он впервые за восемь лет, возможно, станет самим собой и научится радоваться новому дню и тому, что его не убили.

Пробурчав очередное проклятие в адрес того дня, когда взгляд лорда Криса упал на Памелу, Кольм, хромая, подошел к маленькой лесенке, позволявшей добраться до верхних полок библиотеки, чтобы спрятать оставшиеся дневники.

Ив Уинтерли до сих пор не могла взять в толк, как мачехе удалось уговорить ее прийти на этот треклятый прием. Лучше бы умная леди Хлоя Уинтерли, виконтесса Фарензе, этого не делала. Сначала ей пришлось терпеть тот бред, которым тетя Дернли приветствовала каждого из гостей, а потом, когда она присела в танце перед своим партнером, лорд Дернли так неуклюже наступил ей на подол, что пришлось в спешке покинуть зал. Если бы тот противный старик не подкараулил ее, пока она искала горничную, чтобы та помогла ей починить юбку,

она бы сбежала из этого дома прямо сейчас... Уф, нет, ей не хотелось думать о нем. Но какая жалость, что она не догадалась придумать себе головную боль, чтобы остаться дома.

Ив не волновало, если сплетники будут судачить о разрыве между Дернли и Уинтерли. Когда-то давно ее мать бросила в этом доме своего новорожденного ребенка. Папа всегда говорил, что ее мать не могла бы придумать ничего лучше, чем отказаться от нее, и обычно Ив соглашалась. Они обошлись и без Памелы. Сначала сюда привезли добрую милую Брэн, чтобы она позаботилась об Ив, а потом папа забрал их обеих. Ив росла, ни минуты не сомневаясь, что она любима, и эта уверенность была тверда, как северные скалы, о которые билось море у подножия замка ее отца. Когда Ив исполнилось шестнадцать, папа женился на леди Хлое Тиссели. Ив напонила себе, какое счастье любить и быть любимой этой замечательной женщиной, и решила, что должна простить Хлое ее участие в том, что она оказалась на этом отвратительном приеме.

Однако какой-то противный голосок в сознании Ив шептал, что ей не удастся убежать от прошлого. «А если правы сплетники, болтающие у меня за спиной: «Какова мать, такова и дочь»? – шептал голос. – Что, если в один прекрасный день я встречу мужчину, который пробудит во мне жадную шлюху, и она заставит меня хотеть от него еще более безумных и порочных вещей, чем хотела Памела?»

«Нет, никогда!» – возразила Ив. В тот же миг ее пронзила резкая головная боль, и она поспешила свернуть в соседний коридор, надеясь отыскать какое-нибудь убежище. Она Уинтерли. Все отмечали, как сильно она похожа на отца и цветом волос и глаз, и фигурой, и характером. За три года, прошедшие с тех пор, как она начала появляться в свете, ее имя не запятнала ни малейшая тень скандала, несмотря на все попытки записных волокит и охотников за приданным скомпрометировать ее, чтобы заставить выйти за них или завести любовника. И все же слухи продолжали ходить даже без доказательств, и злые глаза старались уловить хоть какие-нибудь признаки ее сходства с Памелой.

Нельзя позволить себе расплакаться, тогда бы все поняли, что тому есть причина. Вдобавок она так и не пришила свою оторванную оборку, и ее приходилось придерживать, чтобы она не оторвалась совсем. Ив не знала, что делать. Она чувствовала себя неуверенно и вздрагивала от каждого звука. Будь Ив бедной и одинокой, безумная жизнь матери и ее злосчастная репутация уже давно погубили бы ее.

Это чуть не сделал ее первый настоящий ухажер. Ив содрогнулась, вспомнив о своей юношеской глупости. Как ей вообще могло прийти в голову, что она влюблена в этого дурака? Папа и Хлоя предупреждали, что он не такой, каким кажется ей. Она не верила им до тех пор, пока однажды не отказалась тайно бежать с ним. Весь лоск и очарование ее первого взрослого кавалера растаяли в один миг. Он хотел ее, потому что она была дочерью своей матери, а не вопреки этому. При воспоминании о жадном, голодном блеске в его глазах Ив до сих пор начинало мутить. Он порвал на ней платье и уже приготовился взять ее силой, когда вмешался дядя Джеймс. Судя по тому, что больше этот парень не проявлял своего истинного лица, наказание возымело свое действие.

С негодованием вспоминая ту ночь и все прочие случаи, когда сдержанные и внешне уважаемые мужчины смотрели на нее горящими похотливыми глазами, видя в ней ее мать, Ив продолжала искать какое-нибудь место, где могла бы пристроиться с иголкой и мотком ниток, которые позаимствовала в пустой дамской гардеробной. Робко приоткрыв показавшуюся ей подходящей дверь, она удостоверилась, что за ней не скрываются ленивые жирные охотники за приданным, и скользнула внутрь. В этой старомодной библиотеке царила атмосфера покоя, совсем маленький камин и несколько свечей отбрасывали мягкие тени. Ив придвинула подсвечник и села на жесткий старый диван у камина, чтобы сделать несколько быстрых стежков, радуясь тому, что может хоть несколько минут побыть в одиночестве. Подтянув к себе ткань, чтобы достать до порванного места, она постаралась шить как можно аккуратней, чтобы

шов выглядел так, словно оборку пришила горничная, и значит, все это время Ив провела с ней.

Все, готово. Осталось только аккуратно пришить на место полоску изящного французского шнура, и она снова будет выглядеть прилично.

Однако тут Ив заподозрила, что эта комната – не самое лучшее место, чтобы прятаться. Одно из правил дяди Джеймса гласило: прежде чем войти в незнакомое помещение, нужно оценить все пути к отступлению. Она застыла на месте с замершей в воздухе иглой. Очередной тихий звук заставил ее оглядеться по сторонам и увидеть, что в этой обшарпанной комнате имелась галерея, которую ей следовало заметить раньше. Кто-то медленно и осторожно спускался оттуда по скрытой от глаз лестнице. По спине Ив побежали мурашки.

Кто бы там ни был, она уже упустила время, чтобы скрыться от него. К тому же она не собиралась бежать назад в бальный зал с болтающимся сзади шнуром, поэтому она сжала иглу, как оружие, и понадеялась, что это сработает. Приятели лорда Дернли были слишком толсты и неуклюжи, чтобы поместиться на узкой лесенке, которую Ив заметила только теперь, когда ее глаза привыкли к полумраку. Значит, с галереи спускался кто-то более subtilный. Наконец осторожные шаги замерли, и она прищурилась, стараясь разглядеть в темноте, от кого ей придется защищаться на этот раз.

Глава 2

– Какого черта вы здесь делаете? – грубовато произнес мужской голос, и Ив замерла, глядя на застывшую в напряжении фигуру и убеждая себя, что это не порождение мрачных теней.

Незнакомец сделал шаг вперед и бесцеремонно устоялся на нее. Мужчина выглядел и старым, и молодым одновременно, и она с удивлением подумала, как этому худощавому, скромно одетому джентльмену удавалось казаться таким высокомерным, словно именно он хозяин дома, а вовсе не кредиторы лорда Дернли. Его не по моде длинные волосы она не могла назвать ни каштановыми, ни золотистыми, потому что они представляли собой смешение того и другого; нос когда-то давно был сломан. От мужчины исходило ощущение сдержанной силы, не вязавшееся с его скромным костюмом. Для такой благородной леди, как Ив, в нем не могло быть ничего привлекательного, но что-то в нем все же было.

Он повернул голову, словно прислушивался, нет ли других людей, вторгнувшихся в его владения, и свеча полностью осветила его лицо. Ив увидела у него на лбу достаточно свежий шрам. Какая-то настороженность и гордость в его необычных глазах не позволили Ив ответить на его вопрос так, как ответила бы слуге благородная леди. Даже с такого расстояния и при слабом освещении эти глаза казались ей и темными, и светлыми одновременно. Он подошел чуть ближе и стал рассматривать ее, как экспонат в музее.

Перед ней стоял человек, со своими надеждами и мечтами, о которых она ничего не знала, но, когда их взгляды встретились, между ними как будто что-то вспыхнуло. У нее возникло странное чувство, что этот человек для нее важен. Но как такое могло быть? В своей убогой, затрапезной одежде он выглядел как молодой клерк и не имел ничего общего с достопочтенной мисс Уинтерли. И все же Ив почувствовала, как дрогнуло сердце, чего с ней еще никогда не случалось. Казалось, в ней зарождалось что-то огромное, во что она никогда до сих пор не верила, и оно грозило перевернуть ее мир с ног на голову. Они смотрели друг на друга, как зачарованные, хотя это было полнейшей нелепостью. Или нет? Возможно, загадочные глаза незнакомца могли заинтриговать каких-нибудь неосмотрительных юных девиц, но она Ив Уинтерли, а он всего лишь слуга, если судить по одежде и не брать в расчет его великосветские манеры, не позволявшие ей сразу поставить его на место.

– Я хотела задать вам тот же вопрос, – резко сказала она, стараясь держаться, как уверенная в себе светская дама.

– Бал ее светлости в той стороне, мисс Уинтерли, – ответил он, и Ив почувствовала, как маленькое озерцо теплоты в душе, с которой она не могла справиться, превратилось в лед. Его холодный тон заставил ее вздрогнуть. Во взгляде мужчины, брошенном на ее открытые икры и лодыжки, мелькнуло ледяное неодобрение. Он поспешил отвернуться, как будто она его оскорбила.

– Вы пользуетесь преимуществом, зная мое имя, сэр, – сухо отозвалась она.

– Картер, мэм, – неохотно представился незнакомец.

– И о чем это должно мне сказать?

– Меня прислал герцог Линеир, чтобы я просмотрел библиотеку Дернли, упаковал книги и отправил их в Линеир-Хаус или переплетчикам.

– Что ж, это хорошее собрание, а лорд Дернли в отчаянном положении, – подтвердила Ив, но потом в недоумении подумала, какой бес тянет ее сегодня за язык.

– Его отец был большой эрудит, – согласился мужчина, цедя каждое слово, словно ему жаль тратить их на такую, как она.

– Видимо, сын не пошел в отца. – Ив с трудом сдерживала раздражение. После того, что ей пришлось вытерпеть на этом вечере, она не собиралась утруждать себя лживой вежли-

востью. Вдобавок она ощущала на себе волны враждебности, исходившие от этого человека после того, как он, как следует рассмотрев мисс Ивлин Уинтерли, очевидно, решил, что она ему совершенно не нравится.

– Лорд Дернли – хозяин дома, где я живу, – упрекнул он ее, как будто она не знала, что неприлично плохо отзываться о человеке, находясь под его крышей.

– И значит, не подлежит критике? Мне стоит нанять вас, чтобы в минуты недовольства собой и миром я могла прийти в библиотеку отца, а вы шептали бы мне на ухо о том, как я прелестна, талантлива и совершенна.

– Это было бы совсем неподходящее занятие для меня, – опрометчиво бросил он.

Значит, вот как он о ней думал?

– Прошу меня извинить, мисс Уинтерли. Я уверен, найдутся десятки благовоспитанных джентльменов, готовых наперебой отдавать должное вашей элегантности, красоте и уму, – снисходительно добавил он, как будто это могло улучшить ей настроение.

– Раз уж мы составили впечатление друг о друге и откровенно высказываем его, то я скажу, что вы, должно быть, циник и якобинец, Картер. Чем объяснить вашу враждебность к даме, которую вы не знаете, если не тем, что вы что-то имеете против моей семьи? – требовательно спросила Ив, внезапно почувствовав, что очень устала быть дочерью Памелы Уинтерли. Сегодня ей этого хватило и без уколов со стороны незнакомцев, полагавших, что она это заслужила.

Кольм пытался сдержать злость, но ее неприбранный вид, словно она только что выпорхнула из объятий любовника, заглушал голос рассудка. Перед ним сидела совсем не такая Ив Уинтерли, какой он видел ее входящей в холл Дернли-Хаус. Тогда она выглядела темноволосой версией Снежной королевы, холодной и отстраненной. Сейчас она была растрепанной, раскрасневшейся, и его тянуло прикоснуться к ней, но не для того, чтобы понять, что она живая, а чтобы продолжить то, чем она занималась, видимо, с тем счастливецом, с которым целовалась в заброшенной оранжерее в конце коридора.

Кольм почувствовал, что думает словно ревнивый любовник. Но как такое могло быть, ведь он даже не знал ее? И все же ему хотелось оказаться на месте того, кто нарушил ее холодное совершенство. Если бы это он заставил ее бежать по пыльному коридору в поисках самого уединенного места в этом старом доме, чтобы привести себя в порядок после их любовного свидания, то сейчас он чувствовал бы себя гораздо лучше. Одна только мысль, что он мог быть тем, чьи поцелуи заставляли ее прелестную грудь вздыматься и опускаться с каждым вздохом, вызывала у него возбуждение. Хотя бы на миг ощутить в своих объятиях ее теплое податливое тело... «Нет, не смей, не смей даже думать об этом», – пытался он урезонить проснувшегося внутри безумца.

Стоило Кольму лишь краем глаза подсмотреть, как отличается светская маска мисс Уинтерли от ее истинного лица, как его кольнула острая ревность. Она определенно намеревалась следовать путем своей злополучной матери...

– Как я могу иметь что-то против ваших родных, когда я их не знаю? – спросил Кольм, стараясь придать своему голосу бесстрастность и одновременно обуздать свои чувственные фантазии.

– Откуда мне знать как?

– Очевидно, что никак.

– Тем не менее вы относитесь с предубеждением и ко мне, и к ним и, похоже, даже не считаете нужным это скрывать. Вы слишком дерзки для простого библиотекаря, мистер Картер, – сказала Ив, намеренно устремив взгляд на шрам у него на лбу, что всегда вызывало у Кольма защитную реакцию.

– Библиотекари не рождаются прямо из головы Зевса подобно богине Афине, мисс Уинтерли.

– Ватерлоо? – резко бросила она, и он подумал, что сам напросился на этот вопрос, делая о ней поспешные выводы.

Кольм кивнул, потому что до сих пор не мог говорить о том страшном дне. Сейчас, когда все его чувства внезапно обострились, он боялся, что может дать ей увидеть то, о чем не должна была знать ни одна живая душа. Она была его врагом. Уинтерли и Хэнкортсы возненавидели друг друга с того самого дня, когда ее мать сбежала с его отцом. Наверное, он просто обязан думать о ней самое худшее. Но когда его злость и похоть остыли, Кольм заново посмотрел на нее и подумал, не ошибся ли он.

– Понимаю. После этого библиотека – как раз то место, где можно найти мир и покой, – добавила она с таким видом, будто все знала. – Но неужели после вашей бурной жизни вам этого довольно?

– Не знаю, мисс Уинтерли. Но непременно выясню, когда все эти книги будут благополучно размещены в различных домах моего нанимателя.

– И спасены от небрежения, в котором пребывают почти полвека, – несколько рассеянно согласилась она, словно на самом деле думала о чем-то другом.

– Вот именно, – добавил Кольм так сухо, что даже ему это показалось чрезмерным. – Удивительно, но они не в самом плохом состоянии.

– Это очень занимательная тема, мистер Картер, но мне надо вернуться в бальный зал, пока все не заметили, что я слишком долго отсутствую. Поэтому будьте любезны повернуться спиной или выйти, чтобы я могла пришить этот шнур и уйти.

– Я еще не закончил свою работу, – ответил он, жалея, что не убрал один из дневников Памелы, который оставил открытым, чтобы дочитать. Тогда не было бы риска, что мисс Уинтерли заметит его, если из любопытства подойдет ближе к библиотечному столу и увидит, чем он занимался. – Позвольте, я подвину свечу, чтобы вам было лучше видно и вы смогли бы скорее закончить, – неловко предложил он и, не дожидаясь ответа, передвинул подсвечник.

– Похоже, вы хотите избавиться от меня не меньше, чем я хочу уйти, – сказала она приглушенным голосом, поскольку все ее внимание было обращено на платье.

– Вы же не сможете выйти замуж за библиотекаря, если нас застанут в таком щекотливом положении, – хмуро пояснил Кольм.

– Даже если он герой?

Хорошо ли, что они чувствуют себя друг с другом так непринужденно, что могут даже посмеяться вместе? Этого никогда бы не случилось, если бы она знала, кто он. Вечер закончится, и они вернутся в разные миры. Не считая того, что, насколько он знал, у дяди Хорэса и герцогини имелись планы, которые могли заставить эти миры встретиться. Не дай бог, подумал Кольм. Мысль о том, какими ледяными стали бы глаза мисс Уинтерли, узнай она, кто он на самом деле, вызвала отвращение.

– Я не гожусь в герои, мисс Уинтерли, – хмуро ответил он. – Они обычно погибают, а не превращаются в калек, как я.

– Если бы шрам был у вас на затылке, я, пожалуй, могла бы поверить, что вы бежали с поля боя, – возразила она.

До его слуха донесся слабый звук иголки, воткнутой в атласную ткань платья, и он затаил дыхание.

– А может, я пятился от пуль? – криво усмехнувшись, сказал Кольм, и она засмеялась. Теплый звук ее смеха мгновенно оживил все фантазии, с которыми он боролся с той самой минуты, как она вошла в комнату, и он увидел ее такой взволнованной и соблазнительной с верхней ступени своей винтовой лестницы, а она еще не подозревала о его существовании.

– И пуля, отскочив от чего-то еще, ранила вас в ногу?

– Мне могло дьявольски не повезти.

– Могло.

– Вы уже закончили? – резко спросил он, потому что ему вдруг показалось опасным, что они уже почти смеются вместе.

– Вам не терпится от меня отделаться?

– Мне не терпится продолжить работу, мисс Уинтерли. А этого не случится, если нас застанут тут одних за закрытой дверью.

– Даже несмотря на то, что новый герцог кажется таким разумным человеком? – сказала она, как будто он мог отделаться беспечной улыбкой на том основании, что между дочерью виконта и простым библиотекарем не может быть ничего предосудительного.

– Ваш отец не производит такого впечатления, когда дело касается вас.

– Верно, но его здесь нет, а теперь, когда я привела себя в порядок, ему и незачем здесь быть.

– Тогда будьте любезны поспешить, чтобы все так и было.

– Я все зашила и теперь снова в полном порядке, – с вызовом произнесла мисс Уинтерли, и Кольм нахмурился, встретившись с ней взглядом. – Не могу сказать, что была рада нашему знакомству, мистер Картер.

– Всего хорошего, мисс Уинтерли, – вежливо ответил он, желая, чтобы она поскорее ушла и оставила его в покое.

– Всего хорошего, мистер Кар... – начала она, но вдруг осеклась, заслышав снаружи звук торопливых шагов. – Где я могу спрятаться? – решительно потребовала она.

Кольм посмотрел в сторону небольшой ниши, но этот темный угол не смог бы скрыть молодую женщину в платье из шуршащего светлого шелка. Бросив на него нетерпеливый взгляд, мисс Уинтерли метнулась к узкой деревянной лесенке, по которой он спустился всего несколько минут назад. Она быстро поднялась по ступенькам и скрылась из вида как раз в тот момент, когда дверь распахнулась и в библиотеку неспешно вошел лорд Дернли.

– Полагаю, вы могли бы помочь леди Дернли, Картер. У нас не хватает кавалеров, – рассеянно сказал он, озираясь по сторонам, как будто вид этой наполовину опустевшей комнаты стал для него сюрпризом.

От мысли, что мисс Уинтерли совсем рядом, Кольм застыл как истукан. Он старался с шумом вдыхать воздух из опасения, что она шевельнется и будет обнаружена. И что тогда? Предложение руки и сердца с его стороны едва ли сможет предотвратить скандал. Дернли будто знал, что она где-то спряталась, чтобы привести себя в порядок, и намеревался ее найти. Кольм мгновенно вспомнил свои подозрения, что этот человек мог затеять что-нибудь недоброе в отношении племянницы своей жены, и остро ощутил потребность защитить ее, какой бы план ни лелеял этот негодяй с целью использовать мисс Уинтерли, чтобы получить денег.

– Думаю, будет лучше, если я не стану пугать молодых дам, ваша светлость, – ответил он, а когда Дернли сделал удивленное лицо, показал на свою искаленную ногу.

– О да, вы совершенно правы. Я и забыл, что вы не годитесь для танцев. Вы сделаете из бедняжки посмешище, если попытаетесь. – Он остановил свой стеклянный взгляд на шраме на лбу Кольма и поспешил отвести его в сторону, словно хотел деликатно намекнуть на еще одну причину, по которой ему нежелательно появляться на публике.

– Безусловно, – как можно спокойнее произнес Кольм, моля Бога, чтобы девушка, прятая в такой опасной близости от них, не шелохнулась, пока этот высокородный мерзавец оставался в комнате и мог, обнаружив ее, вынудить сделать то, что было у него на уме.

– Хорошо, тогда я объясню ее светлости, почему вы прячетесь.

– Благодарю вас, милорд. – Кольм заставил себя произнести эти слова с благодарностью, приличествующей клерку, которого приглашали присоединиться к благородному обществу, пусть только для того, чтобы стать партнером в танце для дам, оставшихся без кавалеров.

– Ах вот вы где, Дернли, – раздался с порога голос виконта Фарензе.

Кольм знал, кто он, поскольку видел его раньше стоявшим рядом с дочерью с отсутствующим видом и с готовностью уничтожить любого, кто хоть пальцем тронет его дитя. Кольм поразился: неужели лорд Дернли настолько глуп, что надеялся осуществить какой-то гнусный план и выбраться отсюда живым?

Он возмущился еще сильнее, подумав, что Дернли мог попытаться применить силу к девушке, к которой не смел даже прикасаться. Но нет, для этого Дернли выглядел слишком аккуратно одетым и причесанным, на что ему явно потребовалось не меньше нескольких часов. Значит, подобный кошмар Кольм мог исключить. Что возвращало его к первому предположению, пришедшему ему в голову, когда он увидел мисс Уинтерли. Она встречалась с любовником, о чем Дернли знал. Не за эту ли постыдную тайну он хотел получить денег с нее и с ее отца?

Лорд Фарензе холодно посмотрел на Кольма, затем быстрым взглядом окинул комнату и вошел внутрь. Кольм подумал, что мисс Уинтерли снова на грани катастрофы, и понял, что независимо от того, есть у нее любовник или нет, он не хочет, чтобы она попалась. Ее мог выдать любой шумный вздох или шуршание платья.

– Я пришел сюда за Картером, – натянуто объяснил хозяин дома под суровым взглядом своего бывшего свояка. Ему даже удалось сказать это так, как будто для хозяина нет ничего более естественного, чем в самом разгаре приема пойти искать скромного библиотекаря.

Кольм изо всех сил старался не выдать своих чувств, поэтому предпочел не смотреть на Дернли. Если бы мисс Уинтерли не грозила беда, он мог бы даже сухо засмеяться, когда этот человек поднял взгляд на полупустые книжные полки и остановил его на самом темном месте, как будто смотрел прямо на нее. Все происходящее отдавало какой-то странной дьявольщиной.

– Дернли, мне надоели карты, а моя жена увлечена беседой с леди Монтень. Я, конечно, мог бы оставить вас в компании библиотекаря Линеира, но сегодня у вас много других дел. Вы знаете, как я люблю книги, но вам не кажется, что хорошему хозяину не пристало надолго покидать своих гостей? – произнес лорд Фарензе с улыбкой, от которой у Кольма по спине побежали мурашки. В его шуточных словах звучали такие стальные нотки, что он удивился, как лорд Дернли не задрожал от страха.

– Я всегда знал, что вы странный человек, Фарензе, но полагаю, вы правы. Лучше вернуться к гостям, пока никто не заметил моего отсутствия, – легко согласился Дернли.

– Я присоединюсь к вам, как только узнаю кое-что у этого ученого молодого человека, – ответил лорд Фарензе.

Глава 3

– Не шевелись, – прошептал лорд Фарензе, как будто мог сквозь украшенные изящной резьбой деревянные панели видеть, где прячется его дочь.

Кольм затаил дыхание, прислушиваясь к звуку удаляющихся шагов лорда Дернли по мраморным полам коридора. Наконец лорд Фарензе закрыл за ним дверь.

– Теперь можешь выходить, Ив, – ласково произнес он.

– Папа, как ты узнал, что я здесь? – спросила она и вышла из своего укрытия как ни в чем не бывало.

Кольм еще раз посмотрел на нее, чтобы удостовериться, что она не в истерике. Нет. В сине-зеленых глазах мисс Уинтерли даже мелькнул намек на улыбку. Если бы не сжатые в кулак пальцы, чего не мог видеть ее отец, Кольм мог бы подумать, что она совершенно спокойна.

– Так же, как в детстве, когда ты играла в прятки. Ты всегда выбираешь самое интересное место.

– Мисс Уинтерли, милорд, позвольте пожелать вам доброй ночи, – сухо произнес Кольм. Теперь, когда он встретился с мисс Уинтерли лицом к лицу, он почему-то чувствовал себя задетым тем, что все принимают его за слугу.

– Сначала обещайте никому не рассказывать, что я была здесь наедине с вами.

– Я не хвастлив, мисс Уинтерли, – не задумываясь, возразил Кольм.

Глаза лорда Фарензе стали жестче, и немалого труда стоило выдержать их недоверчивый, надменный взгляд.

– Если о моей дочери пойдут какие-нибудь скандальные слухи, тому, кто их распускает, придется пожалеть, что родился на свет. – Эта сказанная спокойным голосом угроза прозвучала гораздо страшнее, чем если бы он начал кричать и размахивать кулаками.

– Не надо, папа. – Мисс Уинтерли устало взмахнула рукой, и этот жест тронул Кольма сильнее, чем любая женская истерика. – Я думаю, ему можно доверять.

– Когда дело касается твоей безопасности и душевного покоя, я не доверяю ни одному мужчине из тех, кто здесь находится.

– Прошу вас, мистер Картер, дайте слово джентльмена, что никому не расскажете, что я была с вами наедине. Иначе мы никогда отсюда не уйдем. – Она бросила на Кольма умоляющий взгляд, которому он не мог противиться.

– Я обещаю не распространять о мисс Уинтерли скандальных слухов, милорд.

– Вы, похоже, имеете отношение к сочинительству, Картер. – Лорд Фарензе обвел рукой царивший в библиотеке хаос и упакованные в стопки книги, намекая, что Кольм может не удержаться и написать что-нибудь скандальное.

– Я не стал бы писать ничего, порочащего репутацию молодой леди.

– Премного благодарна, – не без иронии вмешалась в их молчаливую дуэль мисс Уинтерли.

– Но даже если бы я захотел, мне некому особенно писать, – добавил он, обращаясь к ней, как будто это могло ее утешить. Судя по ее ледяному взгляду, ему это не удалось. – В любом случае я не знаю, о чем вы говорите.

Лорд Фарензе сурово посмотрел на него.

– Дернли что-то замышляет, и слуги могут начать сплетничать, поэтому будет лучше, Картер, если вдобавок к своей клятве вы пообещаете рассказать мне, что они о нас говорили. Тогда я буду уверен, что вы не затронете репутацию моей дочери, и вы сможете благополучно покинуть эту комнату.

– Хорошо, милорд. Я клянусь правдиво изложить вам, что будут говорить или не говорить слуги за завтраком. Надеюсь, это все?

– Не совсем. Это может показаться чрезмерным, но я жду, что завтра вы явитесь в Фарензе-Хаус и расскажете мне обо всем лично. Не стоит ничего писать.

– У меня есть работа, милорд. Но я смею надеяться, что, если хорошо попрошу, его светлость отпустит меня на часок-другой подышать свежим воздухом, – ответил Кольм со смирением, которое пристало настоящему мистеру Картеру, желавшему лишь одного – покончить с этой нелепой ситуацией и отправиться в постель.

– Будет тебе, папа. Оставь беднягу в покое. Не забудь, что человек, на которого глаза бы мои не смотрели, возможно, уже вернулся в бальный зал и распускает слухи. – Мисс Уинтерли бросила страдальческий взгляд в сторону балного зала.

– Дернли не настолько глуп, а тому, о ком ты говоришь, я уже разбил в кровь лицо. Не думаю, что он станет что-нибудь говорить, если не хочет признаться в том, что получил отпор от девушки, которую намеревался взять силой, а потом был побит ее взбешенным отцом, – преспокойно добавил лорд Фарензе.

Кольм застыл на месте. Он наконец понял, почему мисс Уинтерли пришла сюда зашивать свое платье. Какой же он глупец, если не смог отличить молодую женщину, чей наряд привел в беспорядок пылкий любовник, от той, которая подверглась нападению дряхлеющего старого ловеласа! Сэр Стивен Скрамбл искал родовитую невесту, имевшую достаточно влиятельные связи. Он бы щедро заплатил за такую невесту, и Дернли, должно быть, продал ему прекрасный шанс взять силой мисс Уинтерли, чтобы вынудить ее согласиться на неравный брак. От одной мысли об этом у Кольма зашевелились волосы, и одному Богу известно, чего это стоило ей. Скрамбл был очень богат, так что Дернли без зазрения совести предоставил ему подходящую возможность, наступив ей на юбку, в надежде, что она отправится зашивать ее в пустую комнату. Добавив эти грязные деньги к тому, что он получил от герцога за библиотеку своего отца, Дернли мог пересечь пролив и скрыться на континенте.

– Я дал ему понять, что ты не выйдешь за него, даже если весь свет встанет на его сторону. Потому что прежде я его убью, – сказал лорд дочери.

– Я не собираюсь прятаться от всех, чтобы избежать пересудов, даже ради тебя, папа. Да и Хлоя достаточно долго жила в тени. Но что, если он все равно расскажет?

– И признается, что не смог справиться с беззащитной юной леди? Он не такой дурак. – Лорд Фарензе искоса взглянул на Кольма, как будто говорил, что это относится и к нему. – Даже напившись, он будет помнить, что я обещал с ним сделать, если он не будет держать язык за зубами.

Кольму вдруг захотелось найти этого ублюдка и добавить свои пять пенсов. Впрочем, он едва ли мог угрожать ему, оставаясь под маской клерка. Подойдя к столу, он заметил, что мисс Уинтерли вернула подсвечник на прежнее место, и теперь он идеально освещал то, что читал Кольм, пока его не отвлекли. Он попытался быстро засунуть дневник Памелы в кипу старых писем.

– Подождите, – резко бросил лорд Фарензе, уловив его движение, как будто это он, а не Кольм в течение восьми лет оттачивал свою реакцию в полку «Райфлс». – Что это у вас? – спросил он и подошел ближе, чтобы рассмотреть. – Мне уже приходилось видеть похожую тетрадь, и почерк похож на каракули моей бывшей жены. Дайте-ка я взгляну.

– Милорд, мой наниматель заплатил хорошую цену за каждый том в этой комнате, – почти искренне возмутился Кольм.

– Мне тоже больно видеть, что такое прекрасное собрание забыто и заброшено, однако если это действительно записки моей жены, то Дернли не может их продать. Как ее супруг я имею право потребовать их себе.

– Папа... – Мисс Уинтерли тронула его за рукав. – Разве обо всех ее скандалах еще не все известно? Нам правда надо идти.

– Я не позволю, чтобы они заново появились в желтой прессе. И я не уйду из этой комнаты, пока вы, Картер, не объясните мне, что это такое и нет ли в этой коллекции еще чего-то, о чем мне следует знать.

– Я правда ничего не знаю, милорд. Я только сегодня вечером нашел дневники леди Фарензе, спрятанные на полке с проповедями.

– Тебя, конечно, восхищает ее дерзость, верно? – сказал виконт дочери, и, прежде чем он снова устремил на Кольма надменный взгляд, Кольм на мгновение увидел под его суровой маской обычного мужчину. – Сколько вы прочли? – с угрозой спросил он, как будто считал такое вторжение непростительным.

– Только этот, – ответил Кольм, не желая стоять перед ним, как провинившийся школьник, не смеющий сказать ни слова в свою защиту. – И я определенно не собираюсь кому-либо рассказывать ее секреты, – без особого труда пообещал он.

У Кольма имелось больше причин не желать, чтобы о них узнали, чем у семьи Фарензе. К тому же записки Памелы не дали ему ничего, что помогло бы лучше понять отца. Непохоже, чтобы эта поглощенная собой женщина стала тратить бумагу, описывая своего любовника. Лучшее, что он мог сделать, – это навсегда оставить ее и ее семью в прошлом в тот же день, когда покинет этот дом. Отдать им этот дневник было бы даже лучше. Его вдруг кольнула смутная мысль, что труднее будет забыть дочь Памелы, но он поспешил отмахнуться от нее.

– Вы отдадите нам, если найдете что-нибудь еще, пока работаете здесь? – спросила мисс Уинтерли, как будто уловила сомнения своего отца.

– Да, если это имеет отношение к вам, – устало вздохнув, ответил Кольм.

– Хорошо, теперь мы можем оставить его в покое, Ив, – поспешил сказать его светлость, увидев, что дочь собирается спорить. – Он сможет высказать мне свои возражения завтра. Но ты права, нам пора вернуться в бальный зал.

– Не думаю, что мы можем взять дневники моей покойной матери с собой. Не могли бы вы принести их нам в Фарензе-Хаус, мистер Картер? Я была бы вам очень благодарна.

Он смиренно склонил голову.

– Спасибо, – сказала мисс Уинтерли. Все снова встало на свои места: он – скромный клерк, она – леди.

– Милорд, мисс, до свидания. – Он отвесил поклон, который сделал бы честь любому дворецкому.

– До свидания, Картер, – ответила она с исполненным достоинства кивком и взяла под руку отца, позволяя вести ее назад к гостям.

Кольм смотрел им вслед и думал, что бы он чувствовал, если бы мог уверенной, вальяжной походкой идти рядом с ними, как равный им по рождению и богатству? Мгновенный приступ тоски о том, чего он лишился, быстро сменился осознанием того, что он не так сильно об этом жалеет. Со стороны светское общество выглядело ярким и блестящим, но не похоже, чтобы вращение в нем доставляло мисс Уинтерли много радости. Кольм вырос в мире, где умение и мужество значили больше, чем родословная и богатство. Когда, разбитые войсками французов, голодные, холодные и несчастные, они отступали по чужой стране, богатство и знатность мало чего стоили.

Что же касается знакомства с такими молодыми дамами, как мисс Уинтерли, то очевидно, что за пределами узкого круга высшего света это было невозможно. Оставив эту мысль, Кольм в последний раз поднялся по лесенке и уложил все восемь найденных им дневников в маленькую коробку. Зажав ее под мышкой, он порадовался тому, что никто из Уинтерли не ждет его внизу и не видит, как он с трудом спускается вниз, опираясь на здоровую ногу и цепляясь свободной рукой, чтобы не упасть. Ему вспомнились подозрения лорда Фарензе в отношении других слуг. Сегодня они, скорее всего, слишком заняты, чтобы броситься искать эти скандальные перлы в

библиотеке, которую их хозяин уже продал; но, выходя из библиотеки, Кольм на всякий случай повернул в замке ключ и убрал его в карман.

– Папа, ты позволишь мне прочитать дневники моей матери? – спросила Ив, как только они оказались в коридоре, где никто не мог их слышать.

– Конечно нет.

– Но ты же понимаешь, что не сможешь вечно ограждать меня от ее грехов?

– Да, но не жди, что я перестану стараться это сделать. Даже когда мы станем седыми и старыми, я все равно останусь твоим отцом. И я всегда буду считать, что моя задача – беречь свою дочь от опасности.

– Но в глазах закона я уже взрослая.

– Я слишком хорошо это понимаю, – признался виконт с хмурой складкой между бровей, которая говорила, как велика его тревога о покое и счастливом будущем дочери.

Ив приходилось мириться со всеми скандалами, окружавшими жизнь Памелы, но свет должен был воспринимать ее такой, какая она есть, и не ждать от нее безумств, свойственных матери.

– Папа, я правда люблю тебя, и Хлою, и Верити, и мальчиков, но мне надо жить своей жизнью.

– Твоя мачеха все время твердит, что я не должен повсюду ходить за тобой, как верный мастиф, бросая свирепые взгляды на каждого молодого идиота, который заметил, что ты женщина. Однако не надо думать, что мне нравится смотреть, как ты ранишь себя, пробираясь через тернии, которые взрастили другие.

– Но если мне суждено так жить, я должна найти свой путь через них.

– Возможно, ты права, только не надо делать этого прямо сейчас. Мы должны вернуться за стол и спасти твою мачеху, потому что не только она и Полли Монтень уже умирают от любопытства и хотят знать, почему нас так долго нет. Бедняжке наверняка снова пришлось сочинять про твою головную боль.

– Ты самый добрый и заботливый муж, папа. Я тебя люблю.

– Не пытайся подольститься ко мне, хитрая девчонка. Я все равно не позволю тебе читать себялюбивые излияния Памелы.

Они вошли в бальный зал и сразу же встретились с хмурым взглядом умных глаз Хлои, сердитой на них за пренебрежение своими обязанностями и обеспокоенной головной болью Ив, о которой та ничего не ведала до этой минуты.

Глава 4

– Ну и какой он, Ив? – настойчиво спросила на следующее утро мисс Верити Реверю, прыгнув на кровать Ив и пытаясь разглядеть в зеркале, висевшем на противоположной стене комнаты, не вскочил ли у нее какой-нибудь прыщик.

– Кто он? И можешь не искать прыщи. Тебя при рождении благословили добрые феи, поэтому я ни разу не видела на тебе ни пятнышка, – ответила Ив.

Потом она вспомнила, каким мраком окутано рождение ее названной сестры. Ее мать умерла в тот миг, когда Верити сделала свой первый вздох, и бедная Хлоя осталась с новорожденной на руках, когда ей самой едва исполнилось семнадцать, а ее сестра-близнец умерла при родах. Решив быстро сменить тему, Ив невольно остановилась на самой неподходящей. – Кстати, о ком это ты говорила?

– О мужчине, с которым ты познакомилась на вчерашнем вечере, если судить по твоему мечтательному виду.

Ив нахмурилась и предпочла избежать встречного взгляда простодушных голубых глаз, которые Верити унаследовала от своего отца. И сам капитан Реверю, и его любимая дочь были далеко не так простодушны, как могло показаться, поэтому Ив скрепя сердце решила не отвечать на умоляющий взгляд лучшей подружки и вместо этого повернулась к своей горничной.

– Ты права, Брэн, сегодня утром этот цвет смотрится на мне лучше, – сказала она и наклонила голову набок, делая вид, что думает, какое из утренних платьев выбрать. – Не знаю только, какой пояс к нему надеть, – добавила она, надеясь отвлечь Верити. Она знала, что Верити с ее золотыми волосами только выглядела как ангел, посланный с небес, но ее облик обманчив. Когда ее отец уходил в море, все начинали ее баловать, и Ив молилась, чтобы галантный капитан поскорей вернулся домой и пресек дикие выходки своего любимого чада, пока они не довели его до беды.

– Ив, я останусь здесь на весь день, – заявила Верити. – Мисс Стейнфорт наконец согласилась пойти к дантисту, так что я совершенно свободна и могу мучить тебя, пока ей не станет лучше. – В доказательство Верити вытянулась на кровати. – Мне нравилось в школе, но я так рада, что папа нанял мисс Стейнфорт, чтобы она учила меня дома. Теперь, когда его нет в стране, я могу бывать с тобой, тетей Хлоей и дядей Люком, и тебе больше не удастся обманывать меня, как раньше. Не понимаю, почему ты обращаешься со мной как с несмышленым ребенком, от которого нужно скрывать разные важные вещи. Мне больше нравилось, какой ты была, пока не начала выезжать в свет и не сделалась ужасно благоразумной.

– Не сомневаюсь, что ваша гувернантка оставила вам много заданий, мисс Верити. И вы должны прямо сейчас начать их выполнять, – строго сказала Брэн.

– У нее страшно болели зубы, поэтому она забыла, что я должна забивать себе голову новыми цифрами и фактами, которые забуду в тот же миг, когда впервые войду в бальный зал!

– Женщины составляют полмира, Верити. И если мы будем полными невеждами, произойдет катастрофа. Ты должна пожалеть свою бедную гувернантку, которой так плохо, и не постараться злоупотреблять своей свободой, как какой-нибудь мальчишка-школьник, сбежавший с уроков. – Ив сделала суровое лицо.

– Леди Хлоя найдет вам какое-нибудь подходящее задание, юная леди, – добавила Брэн, и по ее взгляду Ив догадалась, что вчерашняя беспокойная ночь отразилась на ее лице.

– Нет, не надо беспокоить ее так рано, – смешалась Ив. Хлоя снова находилась на ранней стадии беременности, и если в этот раз все будет как в последние два, то ее мачеха будет готова уделить внимание своей племяннице часа через два, не раньше. – Ты можешь пойти погулять со мной в Грин-парке. Мне нужно побыть на свежем воздухе, а тебе придется хорошенько

потрудиться сегодня после полудня. В любом случае бедная мисс Стейнфорт не сможет сегодня сводить тебя на прогулку.

– Зануда. Но я все равно так просто не отстану. Ты не ответила на мой вопрос, Ив Уинтерли. Ты точно уверена, что вчера вечером не встретила мужчину своей мечты? – спросила Верити. Она была в таком возрасте, когда чудеса еще казались возможными, а манящая взрослость нашептывала, как было бы прекрасно, если бы одно из них произошло с ней.

– Нет, не встретила. Впрочем, я никогда не мечтала об этом, – твердо сказала Ив, отмахнувшись от назойливо засевшего в голове образа хмурого израненного мистера Картера. – Брэн, если Бетти пойдет с нами в парк, ты сделаешь для леди Хлои свой мятный чай? – спросила она, когда Верити отправилась в гардеробную.

– Конечно, сделаю. Нелегко тебе приходится, да, мой птенчик?

Ив взглянула на свое отражение в зеркале и увидела смотрящий на нее почти идеальный образец светской леди. И вдруг она поняла, что ждет, будто сзади волшебным образом проявится лицо мистера Картера, глядящего на нее с насмешливой улыбкой. Ив со вздохом отвернулась от зеркала. Разве не она только что говорила Верити, что ни о ком не мечтает, и вот, пожалуйста... самый неподходящий герой из всех, кого можно представить.

– Я уже слишком стара, чтобы быть чьим-то птенчиком, – весело ответила она на вопрос Брэн и вышла из комнаты.

– Только не для меня, милая, – шепнула Брэн, глядя, как сестры, встретившись на лестничной площадке, стали спускаться вниз. – И похоже, не зря меня тревожат темные круги вокруг твоих глаз и упрямо вздернутый подбородок.

– Нет, не надо мне напоминать, я непременно вспомню ваше имя сама, сэр. Сейчас, дайте мне хорошенько подумать, и я непременно вспомню. Вы мистер Картер, верно? Если не ошибаюсь, вы собирались зайти к моему отцу, – сказала Кольму мисс Уинтерли своим приятным контральто, как будто они познакомились на каком-то светском рауте.

Проклятие, мрачно подумал Кольм. Он полагал, что может спокойно подышать здесь воздухом, прежде чем вернуться в Дернли-Хаус. Но дочь лорда Фарензе не была соней, как большинство девиц ее круга, да и судьба этим утром ему не благоволила.

– Доброе утро, мисс Уинтерли, – сурово ответил он.

– Действительно доброе, разве нет? – весело переспросила она, как будто по какой-то причине считала удачей, что ему не удалось проскользнуть мимо нее незамеченным.

– Нам не стоит затягивать разговор на публике... как и наедине, мэм, – вполголоса ответил Кольм, надеясь, что говорит достаточно тихо, чтобы не привлекать внимание стайки стоявших неподалеку старших школьниц, хихикавших над чем-то своим.

– Хотите сказать, что нам вообще не стоит разговаривать? Вы очень необщительны, мистер Картер. Кстати, обращение «мэм» употребляют по отношению к дамам куда более старшего возраста, чем я.

– Простите мое невежество, мисс Уинтерли. Но я правда не имею склонности к общению с высшим обществом, как и оно со мной, – ответил Кольм. Сейчас его отлучение от высшего общества вызвало у него какую-то странную боль, не имевшую ничего общего с тем жгучим негодованием, которое он испытывал когда-то.

Мистеру Картеру полагалось ограничить свою жизнь работой, однако Кольм подумал, каково было бы прямо сейчас получить назад положение и богатство, которые его отец воспринимал как должное. Возможно, тогда он смог бы прямо глядеть ей в глаза, даже несмотря на то, что когда-то его отец сбежал с ее матерью. Имея за спиной всех своих благородных предков и богатство набоба, Кольм Хэнкорт смог бы ответить на вызов мисс Уинтерли, и тогда...

Нет. Нет для них никакого «тогда» и никогда не будет. Даже если бы он жил под крышей своего дяди и назывался собственным именем, он имел бы немногим больше крохотного

годового содержания. Работая на своего дядю, мистеру Хэнкорту пришлось бы тратить большую часть жалованья, чтобы жить, как подобает племяннику герцога Линеира, что означало покупку более дорогой одежды и хорошей лошади, а все остальное ушло бы на маленькое приданое для сестры. Он все равно не мог бы встретиться с мисс Уинтерли как равный, а узнав, кто он, она наверняка возненавидела бы его за это. Поэтому Кольм надеялся, что ей надоест общество такого твердолобого грубияна и она велит ему уйти, пока он не сказал чего-нибудь ужасного.

– Вы готовы замкнуться в себе при каждом удобном случае, так ведь, мистер Картер? Из-за этого у вас может возникнуть масса неприятностей в Дернли-Хаус, – как бы невзначай предупредила она.

– Прошу меня извинить, мисс Уинтерли, но я должен оставить вас наслаждаться хорошей погодой и вернуться к своей работе.

– Нет, не уходите, пожалуйста, – импульсивно возразила она. – Моя кузина встретила своих прежних школьных подруг и теперь хочет узнать обо всем, что произошло со времени их последней встречи.

Три девочки стояли в нескольких ярдах от них и были так поглощены разговором, что никого вокруг себя не замечали.

– Я думал, ваша кузина еще совсем маленькая, – сказал Кольм, невольно выдав, что знает о ее семье больше, чем можно подумать.

– Нет, Верити – племянница моей мачехи. Странно, что вы еще не слышали ее историю. Она стала сенсацией пять лет назад, когда мой отец женился на леди Хлое Тиссели и вся правда вышла наружу.

– Последние восемь лет я провел в армии. Так что большинство рассказов о жизни богатых и знаменитых прошли мимо меня.

– О, вы, наверное, поступили на службу совсем юным, если пробыли в армии так долго, мистер Картер.

– Это комплимент, мисс Уинтерли?

– Просто наблюдение, – возразила она, и на ее скулах выступил легкий румянец.

– Мне было шестнадцать, – ответил Кольм с невольной резкостью, вспомнив, как старший из его дядьев лишил его всяких надежд стать писателем или ученым, как постоянно отсутствовавший дядя Хорэс. Услышав мрачный звук своего голоса, он пожал плечами и с печальной улыбкой посмотрел ей в глаза. – Мне казалось, в своем зеленом мундире я выгляжу настоящим героем, – признался он и вдруг пожалел, что она не знала его в то время.

Каким одиноким он чувствовал себя в тот день, когда, скрывая это под мальчишеским бахвальством, прибыл в лагерь Шорнклиф, где началось его превращение из испуганного юнца в израненного офицера-пехотинца. Мистер Картер оказался в полку, где большинство офицеров получали свои чины за умение и храбрость в бою. Чтобы лучше вписаться в эту атмосферу, Кольму хотелось иметь простое имя и носить бравый мундир, тем более что Хэнкорт не хотели иметь ничего общего ни с ним, ни с Нелл. Прошло восемь лет, и ему пришлось еще ненадолго остаться мистером Картером, но теперь, по крайней мере, никто не пытался его убить.

– Значит, вы служили в пехоте? – спросила мисс Уинтерли. – Чтобы выжить в пехоте восемь лет, вам наверняка требовалась храбрость и удача. – Ив удалось произнести эти слова достаточно непринужденно.

Инстинкт подсказывал, что нельзя позволить ему догадаться, как ей жалко того мальчика, который начал свою опасную карьеру таким юным. Что, если бы он родился богатым и знатным? Что, если бы она встретила этого необычного молодого мужчину в богатой гостиной? Попала бы она под его бесхитростное очарование? Или он показался бы ей таким же пустым и незрелым, как другие молодые люди с выражением светской скуки на лице, чьи попытки

ухаживать за ней несколько не льстили Ив? Показалось бы ей таким милым, как завивались его густые каштановые волосы, несмотря на все попытки их пригладить? Его глаза с золотыми искрами могли бы светиться весельем и влюбить в себя любую самую разборчивую молодую леди. И шрам на лбу его бы не портил. А его изувеченная нога... она была бы такой же длинной, сильной и стройной, как вся его фигура. Этот очаровательный и очарованный ею человек улыбался и смеялся бы с ней, а потом вдруг стал бы серьезен, заглядывая ей в глаза, словно смотрел ей в душу. А потом он бы ее поцеловал.

В предвкушении Ив затаила дыхание, позволяя своим мыслям мчаться прочь от куда менее романтического здесь и сейчас. Она шагнула чуть ближе к нему, словно одурманенная дурочка. Мечтательница, таившаяся где-то в глубине души, шепнула, что его поцелуй был бы невыносимо прекрасен в любой версии этого человека, но Ив решила, что в ней говорит дочь Памелы, а она не желала прислушиваться к ней. Тем более что мистер Картер, определенно, не был влюблен в нее. И – ради бога – он всего лишь клерк герцога Линеира и его библиотекарь.

– Полагаю, мне просто повезло, – ответил он, с самым скромным видом пожав плечами, как будто все остальное не имело значения.

Ив вздрогнула при мысли о шальной пуле или ударе сабли, которые могли оборвать его жизнь; сколько же было тех, кого он сумел пережить.

– Сомневаюсь, что в таком полку, как ваш, офицер смог бы долго продержаться на одной удаче, – с вызовом возразила она.

– Вы бы удивились, но удача сопровождала меня достаточно долго, чтобы я понял, что она от меня отвернулась. Это случилось прошлым летом, и после Ватерлоо я вышел в отставку сразу же, как только достаточно поправился, чтобы суметь поставить свою подпись.

– И похоже, решили не делать драмы из того, что вам пришлось пережить.

– У хромого не много шансов уцелеть во время наступления или отступления. Но давайте не будем говорить о подобных ужасах в такой погожий день. Кажется, вы только что обещали мне рассказать историю вашей мачехи и ее племянницы.

– Разве? – Что за человек! Говорить с ним – все равно что идти вдоль реки по скользкой тропинке. Вчера вечером он казался слишком смелым для простого библиотекаря, а сегодня держал свою потертую черную шляпу так, словно думал только о том, как бы надеть ее на голову и уйти до того, как кто-нибудь заметит, что он говорит с благородной дамой. – Теперь в этом нет секрета, так что вы можете услышать ее и от меня. Леди Хлоя и мама Верити были близнецами. Почти в том же возрасте, что вы поступили в армию, леди Дафна Тиссели, не желая вступать в брак по расчету, вышла замуж за молодого морского лейтенанта. Ее отец, придя в бешенство оттого, что его лишили возможности продать свою дочь богатому старику, прогнал ее мужа, а потом оставил своих дочерей одних в ужасных условиях, где Дафне предстояло родить. Каким-то чудом Верити и ее тетя выжили, но леди Дафна умерла при родах. Следующие десять лет леди Хлоя прожила, выдавая себя за мать Верити. Она стала экономкой, и мой отец все эти годы старался не влюбиться в нее.

– А потом, когда он больше не смог противиться своим чувствам, они открылись друг другу?

– Все случилось не так просто, но в результате они счастливо поженились, и теперь, когда отец Верити уходит в море, она живет у нас, – закончила Ив, недоумевая, почему с самого начала не позволила ему уйти. Наверное, все дело в той вежливой маске стороннего наблюдателя за жизнью, решила она. По какой-то неизвестной причине ей не терпелось снять ее и показать миру настоящее лицо стоявшего перед ней человека, несмотря на его убогий черный костюм и так старательно хранимую отстраненность. Сейчас она ждала, что он сухо откланяется, и на сей раз велела себе дать ему уйти.

– Если бы только у моей сестры нашлась такая тетя, как ваша мачеха, которая бы любила и защищала ее, когда наш дядя отослал меня в приют, – вместо этого сказал он. И Ив почему-то очень обрадовалась, что он не ушел, пробурчав короткие слова прощания.

– Что с ней случилось? – спросила она, вспомнив все ужасы, которые рассказывали про девочек, отданных на воспитание жестокими родственниками. Мистер Картер нахмурился.

– О, ничего особенно страшного. Ее поручили заботам гувернантки, пока она не подросла достаточно для того, чтобы отправиться в школу. И тогда наша семья про нас забыла. Мой злобный дядюшка вспоминал о ней, только чтобы запугивать меня. Если бы я вдруг вздумал сбежать из приюта или попытался избрать себе не то занятие, для которого он меня предназначал, мою сестру отдали бы в учение модистке. Думаю, вам известно, что случается с большинством таких девушек, мисс Уинтерли. Даже в свои восемь лет я знал, что должен примерно себя вести, чтобы спасти ее от подобной участи.

– Какая жестокость! – воскликнула возмущенная Ив.

– Такова жизнь. Мой отец так разозлил двух своих братьев, что они не желали иметь ничего общего с его детьми.

– Но что сказали на это родные вашей матери?

– Она была единственным ребенком, и ее родители скончались раньше нее. Не знаю, что случилось бы, если бы у нее остались другие родственники, – ответил Кольм с таким видом, словно уже жалел, что рассказал ей так много.

– Но меня возмущает, что ее друзья и соседи позволили вашему дяде так обращаться с вами, – сказала она, хотя мистер Картер вовсе не жаждал, чтобы она испытывала какие-то чувства к нему или его родным.

– Они покачали головой, пробурчав, что это ужасно, а потом шепотом добавили, что все дело в дурной крови, и решили, что лучше про нас забыть, – ответил он, и в его голосе, наконец, послышалась некоторая страстность. – Все детство моя сестра провела в бедности, да и теперь на волоске от нее, мисс Уинтерли. Стоит дурной мысли прийти в голову хозяину или гувернантка скажет не то слово, и ее выгонят без рекомендаций. Мне невыносимо думать, что так, год за годом проходит ее жизнь, поэтому я обязан найти способ избавить ее от этого, прежде чем пройдет ее молодость и она окончательно разучится смеяться.

Ив достаточно было видеть его горящий взгляд, чтобы понять, что она не ошиблась насчет скрытых глубин его души, которые мистер Картер старательно оберегал от всех. Нет, он далеко не так прост, как хотел казаться.

– Ваши дядья виноваты не меньше вашего отца, что не обеспечили ее. Вам нужны очень широкие плечи, мистер Картер, если вы намерены взвалить на них грехи всей вашей семьи.

– Сегодня вы очень решительно настроены, мисс Уинтерли.

Ив пожала плечами.

– Под словами «решительно настроена» я должна понимать, что я груба. Но у меня не хватает терпения делать вид, что мне все равно, сэр. И если бы вы последние три месяца встречались в обществе, у вас бы оно тоже закончилось. Возможно, если бы ваша сестра знала, каково это, она сочла бы, что ей повезло. По крайней мере, каждый идиот на ярмарке невест не смотрит на нее как на призовую корову.

– Значит, все они идиоты?

– Не все, но ни один разумный мужчина не станет долго разговаривать с девушкой на выданье, если всерьез не занят поисками жены.

– Выходит, в том, чтобы быть никому не нужной, тоже есть свои преимущества? – пошутил он, и Ив очень захотелось заставить его сделать это снова.

Он даже не понимал, как становился хорош, когда забывал следить за своим языком, с помощью которого мог украсть неосторожное женское сердце, прежде чем его обладательница заметит, что оно в опасности. Хорошо, что она осторожна, подумала Ив.

– Зачем же вы приехали в Лондон в сезон, если вам так не нравится общество? – спросил он, как будто его это действительно интересовало.

– Отцу нужно быть в парламенте, а он терпеть не может приезжать один. Родители беспокоятся обо мне, к тому же нам надо думать о будущем Верити. Если я откажусь два раза в год участвовать в спектакле, который разыгрывает свет, у нее могут возникнуть проблемы с поиском партии. Хотя это совершенно несправедливо, поскольку мы даже не кровные сестры.

– Значит, вы наряжаетесь, ездите на балы и ведете себя как светская дама только ради других? – Мистер Картер бросил недоверчивый взгляд на ее модный наряд и шляпку с высокой тульей, взгляд, ясно говоривший, что он считает ее тщеславной и не способной трезво оценивать себя.

Глава 5

Мисс Уинтерли сделала такой вид, будто действительно считает себя такой праведницей, но только на мгновение, чтобы разозлить его. Потом ее глаза весело блеснули, а губы изогнулись в неотразимо соблазнительной улыбке. Кольм с трудом справился с почти непреодолимым желанием поцеловать ее прямо здесь, посреди Грин-парка, да так, чтобы у нее перехватило дыхание и она затихла, отвечая на его поцелуй. Каким чудом эта сдержанная, уверенная в себе женщина, улыбнувшись, вдруг превратилась в очаровательное, умное, веселое и дерзкое существо?

– Я люблю свои наряды, люблю ходить в оперу, в театры и на концерты, только настоящие, а не те, что устраивают «музыкальные» дамы, чтобы похвастаться своими манерами и талантами. К тому же, оставаясь у себя, я не смогла бы так часто видаться со своими друзьями и родственниками. Поэтому, чтобы иметь возможность пообщаться с теми, кто мне дорог, я согласна мириться со всеми этими миссис Дернли и мистерами Картерами.

Стараниями своей брайтонской квартирной хозяйки даже Кольм знал о чудесном превращении Джеймса Уинтерли из праздного лондонского повесы в сельского сквайра и отца семейства. Еще он знал о близкой дружбе Уинтерли с маркизом Монтень и многочисленной родней его жены... и конечно же о сэре Гидеоне Лорейн и его супруге. И вот она, правда: мисс Уинтерли вращается в узком кругу известных влиятельных аристократов, а он всего лишь секретарь, да и то благодаря угрызениям совести своего дяди Хорэса.

– Что ж, надеюсь, вы получите удовольствие от своего следующего визита, мисс Уинтерли, – сказал Кольм и, чопорно поклонившись, приподнял свою потертую старомодную шляпу.

– Спасибо, мистер Картер, – ответила она с царственным кивком, иронично приподняв изящные темные брови. – Вы очень любезны.

– Хорошего дня, мисс Уинтерли, – натянуто произнес он и приготовился, хромая, удалиться к своим книгам, бумагам и упаковочным ящикам.

– И вам хорошего дня, сэр, – услышал он небрежный ответ дамы, обращенный к слуге высшего ранга, каким он и являлся на сегодняшний день.

Всю дорогу до Дернли-Хаус ему не давала покоя мысль о том, какая пропасть разделяет его и мисс Уинтерли, к тому же Кольм чувствовал, что по какой-то странной причине хромает сильнее обычного.

– Даже лунатик не настолько глуп, чтобы засматриваться на эту луну, Кольм Хэнкорт, – пробурчал он сквозь зубы.

Кольм знал, что он не сумасшедший, но это было почти все, что он мог предложить женщине, настолько потерявшей рассудок, чтобы заинтересоваться им. Он – покрытый шрамами инвалид без гроша за душой и разве что не живет в канаве. До того как он встретил мисс Уинтерли, ему удавалось убедить себя, что он жалеет о потерянном богатстве только из-за Нелл. Теперь у него закралось подозрение, что это ложь. Разве он мог надеяться, что мисс Уинтерли когда-нибудь посмотрит на него как на возможного любовника, если бы он не был тем, кто есть? Конечно нет. Эта мысль смешна, и он должен сейчас же выбросить ее из головы.

Надо думать, что он может сделать, чтобы спасти свою сестру Нелл от благородной бедности или постели богача без обручального кольца. От одной мысли, что его умную, смелую сестру ждет такая судьба, Кольма охватывал такой ужас, что все пустые мечты отходили на задний план, заставляя сосредоточиться на ее будущем. Оставалась одна иллюзорная возможность, вертевшаяся у него в голове с тех пор, как прошлой ночью он прочел последнюю часть дневников Памелы. Кольм отбросил мысль о том, что не должен читать их, прежде чем передаст законному владельцу. Он, как никто другой, имел право знать, о чем думала эта прокля-

тая женщина, когда жила с его отцом. После того пассажа об изумрудах она с раздражающим постоянством избегала писать о драгоценностях до самого конца своего дневника, когда, судя по всему, отправилась в то злополучное путешествие. Но перед этим она жаловалась, что он отказался отдать ей последнее сокровище своей жены – великолепный бриллиантовый гарнитур, изготовленный по заказу сэра Джозефа Лэмбери для дочери после рождения Кольма. Значит, когда его отец с любовницей уехали из Англии, гарнитур оставался в хранилище банка. Но когда перед армией Кольм набрался смелости задать вопрос, его дядя поклялся, что там пусто, как в кармане нищего.

Кольм представил, сколько мог стоять бриллиантовый гарнитур, и перед ним забрезжила слабая искорка надежды. Он смутно помнил, как мать надевала его, когда собиралась на достаточно пышный бал. Гарнитур состоял из тиары и великолепного бриллиантового кольца, камни которых фантастически сверкали при свете канделябров, когда она приходила пожелать ему спокойной ночи. Ее тонкие запястья украшали тяжелые браслеты, и, когда она игриво двигала руками, по всей комнате разбегалась радуга... Громкие крики двух поругавшихся извозчиков вернули Кольма из прошлого к совсем иной реальности. Он на какое-то мгновение вернулся туда, в те счастливые моменты с матерью, и вспомнил много того, что считал давно забытым.

Жаль, что он не мог разделить эти прекрасные воспоминания с сестрой, потому что Нелл была слишком мала и сохранила только смутное воспоминание о светлых волосах и теплых руках матери. Этим летом в Брюсселе, когда в одну из ночей боль от ран не давала ему уснуть, они заговорили о родителях. Тогда, даже не зная, останется ли он жить, Кольм многое понял. И самое главное, понял, что они с сестрой сберегли прочную связь друг с другом, несмотря на все старания родственников разделить их. Все эти годы они делали вид, что скандал Хэнкорта и Уинтерли умер вместе с их братом, но даже предыдущему герцогу и дяде Морису не удалось заставить Кольма и Нелл стать чужими.

Это снова вернуло его к мысли о бриллиантах. Возможно, предыдущий герцог Линеир велел распилить гарнитур и продал их. Кольм хорошо помнил этого человека с тяжелым взглядом, который сообщил ему, что его отец мертв, с таким видом, словно он должен этому радоваться. Этот человек способен был так поступить. Но смог бы он сохранить свое злодеяние в тайне? Ответ совсем не очевиден, и слухи о том, что он сделал, наверняка преследовали бы этого дьявола с холодным сердцем даже в могиле. Однако с тех пор, как Кольм вернулся в Англию, он ни разу не слышал о существовании подобных слухов. Возможно, бриллианты до сих пор хранились в каком-то тайнике, дожидаясь, что он найдет их и потребует себе. Безумная надежда заставила его сердце биться чаще, когда он подумал, что это могло бы значить для будущего Нелл. Приличное приданое, хороший дом, а возможно, жизнь под одной крышей с братом, пока она не выйдет замуж за человека, который ее достоин, если такой существует. Кольм уже начал улыбаться, но улыбка быстро сбежала с его лица, когда он осознал, насколько нереальны его мечты. Если он найдет бриллианты, о которых никто не слышал уже пятнадцать лет; если сможет доказать, что они принадлежат ему; если ему удастся продать их так, чтобы купить скромный дом и ферму; если Нелл согласится оставить своих знатных сирот и переехать туда к нему... Так много «если» сбываются только в сказках.

Кольм знал, что дядя Хорэс чувствовал себя виноватым перед детьми своего младшего брата. Но теперь, когда они с женой вернулись в Англию, герцогское состояние уже не было таким большим, как раньше, когда дед Кольма и предыдущий герцог сорили деньгами направо и налево. Нынешний герцог не мог позволить себе выделить Нелл приданое и содержать своего племянника как джентльмена, поскольку стоявший на очереди за наследством дядя Морис следил за ним, как коршун. После двадцати пяти лет брака надежды на то, что новая герцогиня родит ребенка, уже не осталось, поэтому лорд Морис как ближайший наследник настаивал, что дети лорда Криса не получают ни пенни из денег Хэнкортон свех тех двадцати фунтов в год, которые им назначил предыдущий герцог. Бриллианты могли оказаться напрасной надеж-

дой, размышлял Кольм, подходя к заднему крыльцу Дернли-Хаус, но иногда лучше иметь хоть какую-то, чем совсем никакой.

Сегодня ему, как никогда, хотелось поскорее закончить работу по переписи и упаковке собрания Дернли и наконец убраться из этого дома. Приступив к своему занятию, он невольно задумался о последней встрече с мисс Уинтерли. Она не такая, как все. Этим утром она держалась с ним так спокойно, словно он родовитый джентльмен, которого она встретила в привычный час для прогулок знати, а не простой слуга, пришедший в ранний час, неподходящий для леди, вернувшейся домой ночью после вчерашнего приема. Движения его рук замедлились, когда он вспомнил, какова она при ярком свете погожего осеннего утра. Ее кожа выглядела безупречно, глаза сияли. Ее шляпка показалась ему достаточно скромной по меркам современной моды, предлагавшей носить огромные поля, скрывавшие лицо ее хозяйки. Поэтому теперь он знал, что ее глаза действительно отличались редким цветом, вобравшим тона голубого и зеленого, и могли преследовать неосторожного мужчину до самой могилы. Добавим к этому стройную, но женственную фигуру и улыбку, делавшую ее совсем особенной, и... лучше бы он думал о бриллиантах, чем о мисс Уинтерли.

Между этой леди и мистером Картером не могло существовать ничего, кроме шапочного знакомства, поэтому он снова стал думать о пассаже, который скопировал прошлой ночью в этой комнате, тщательно закрыв за собой дверь. Достав из кармана лист бумаги, он пробежал глазами слова Памелы. Вчера ночью Кольм так устал, а его голова была так полна мыслями об Ив Уинтерли и ее отце, что он не мог мыслить ясно. Возможно, переписывая, он упустил смысл какого-то слова. Последняя страница ее дневника, казалось, идеально описывала эту женщину: «Сознавать, что власть моей красоты и похоть, которую она вызывает в мужчинах, настолько сильны, что они не в силах сопротивляться, – это замечательно, но драгоценности никогда не увянут. И я не намерена упустить ни единого камня, потому что с ними я буду чувствовать себя прекрасной в любом возрасте».

Так писала женщина, которая навсегда осталась в том возрасте, когда сделала эту запись в своем дневнике.

Кольм скривил губы от отвращения, перечитывая ее самовлюбленные откровения, и вместе с тем его кольнуло сожаление об этой бурной и так рано оборвавшейся жизни. Ему стало жаль, что лорду Фарензе придется прочесть слова своей умершей жены, и он задумался над тем, что сделало ее такой. Кольм понятия не имел, как бы он чувствовал себя на месте виконта, но он не завидовал человеку, чью жену не мог удовлетворить ни один мужчина. Из ее слов Кольм достаточно ясно понял, что Памела знала, что бросит его отца ради нового любовника, как бы глубоко ни любил ее лорд Крис. Кольма даже радовало, что лорд Крис не увидел, как женщина, которая так дорого ему стоила, уходит, не оглянувшись назад.

Он даже не пытался вообразить себе ту бурю чувств, что поглотила младшего сына герцога и сбежавшей с ним жены совсем юного пэра. Если бы он позволил себе задуматься над их безумными страстями, то мог ощутить нечто подобное к какой-нибудь ничего не подозревающей женщине. Воображаемый образ мисс Уинтерли, пришедшей в ужас при виде его ненасытной страсти, заставил Кольма вздрогнуть, а потом улыбнуться, когда он представил себе ее изумление оттого, что он вообще способен что-нибудь чувствовать, не говоря уже об этом. Она была совсем не такой, как ее мать. Кольму стало стыдно за то, что он так плохо подумал о девушке прошлым вечером, и за тот внезапный всплеск страстного желания, который ощутил, когда она, словно призрак, проникла в его убежище и показалась ему слишком соблазнительной, чтобы не быть порочной.

Ив дала отцу время прочесть все письма и дневники Памелы, прежде чем на следующий день после встречи с мистером Картером в Грин-парке явилась к нему, чтобы продолжить спор. Ему наверняка было больно их читать, но она сомневалась, что эгоистичные излияния

ее матери прольют много света на то, в чем причина ее стремления менять одного безумного влюбленного мужчину на другого.

– Ты правда не дашь мне прочитать ни слова из дневников моей матери? – настойчиво спросила она, войдя вслед за ним в кабинет после завтрака.

– Я бы с удовольствием сжег их прямо сейчас, чтобы не рисковать, что ты или кто-нибудь другой прочтет этот самовлюбленный бред, – ответил отец и, озабоченно нахмурившись, запер на ключ ящик своего письменного стола, где, как она подозревала, и лежали дневники.

– Тогда почему ты этого не делаешь? – Ив кивнула в сторону огня, горевшего в камине этим ясным, но прохладным утром.

– Потому что не имею права лишать шанса того мальчика, – пробормотал он, как будто боролся с желанием сделать это.

– Какого мальчика? А-а, полагаю, ты имеешь в виду сына лорда Кристофера Хэнкорта. Я думала, он умер. О нем не слышно уже много лет, и его родственники никогда не говорят о нем, как и о младшей девочке, которую однажды кто-то упоминал.

– Их отец спустил на твою мать наследство, принадлежавшее этому пареньку, но я не могу поверить, что глупец настолько потерял голову, что отдал ей все драгоценности. Она знала, что драгоценности Лэмбери даже не его собственность, но все равно сумела так его обольстить, что он отдал их ей. В ее дневниках и письмах нет ни малейших угрызений совести по поводу судьбы этого мальчика и его сестры. По крайней мере, в тех, что мне передал Картер.

– Он не стал бы опускаться до того, чтобы утаить какое-нибудь письмо, после того как дал тебе слово, – вступилась за мистера Картера Ив.

Отец остановил на ней проницательный взгляд, как будто хотел проникнуть в ее мысли и понять ее чувства к человеку, который ей даже не нравился. Конечно, она не питала никаких чувств к этому чопорному остолопу, как же иначе? Тем не менее ей по какой-то причине казалось необходимым подтвердить его порядочность.

– Он не стал бы брать себе то, что ему не принадлежит, – добавила она.

– Этого-то я и опасаюсь, – буркнул отец так тихо, что Ив показалось, что она ослышалась. – Никакие поступки Памелы не должны заставлять тебя стыдиться, дорогая, – громко произнес он, так тревожно и печально глядя на нее, что Ив почувствовала себя виноватой, напомнив ему о тех мрачных днях в их жизни, которые сама не могла знать.

– И тебя, папа, – сказала она. – Она причинила достаточно зла, когда была жива. Пожалуйста, не мучь себя из-за ее грехов теперь, когда ее нет. И без того воспоминания о них долгие годы не давали тебе соединиться с милой Хлоей.

– Однако, если я сожгу эти тетради, я могу лишить того мальчика надежды на лучшую жизнь. Если существует хоть малейший шанс, что драгоценности, о которых она так восторженно пишет, могут быть найдены, то я уничтожу ключ к тому, где они, и тогда не Памела, а я должен буду испытывать угрызения совести.

– Значит, мы должны выяснить, где сейчас может быть сын лорда Криса, и помочь ему всем, чем сможем. Если это способно заставить тебя забыть все, что сделали этот проклятый лорд Крис и Памела, то у нас нет другого выбора.

– Если он или его сестра объявятся, то все позабытые за эти годы слухи снова проснутся и ударят по тебе, милая, – предупредил он, бросив задумчивый взгляд на дочь.

– Неужели ты думаешь, что я недостаточно сильна, чтобы не обращать внимания на злобные сплетни?

– Иногда я задаюсь вопросом, не слишком ли сильной ты стала, Ив. Если бы я забыл Памелу и женился на Хлое на десять лет раньше, у вас с Верити было бы более счастливое детство. Но я был таким глупцом!

– Ладно, никто не спорит, что Хлоя во всех отношениях подходит тебе гораздо больше, чем моя мать, но все те десять лет, что вы с ней прожили врозь, мы с Верити прекрасно ладили

с вами обоими. Конечно, нам еще лучше теперь, когда вы вместе и счастливы, но нет никакого смысла плакать о том, чего у нас не было из-за твоего твердокаменного упрямства, папа. Нас обеих любили и оберегали еще до того, как вы с Хлоей позволили себе стать счастливыми вместе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.